

В.А. Беляев

Границы технетики

Технетика как современное учение об техноэволюции является сложным и внутренне противоречивым образованием. Величина претензии технетики на универсализм требует и универсального признания ее научным сообществом, дает повод для рефлексии над логикой технетики, над ее границами. Вопрос о границах технетики дает возможность прояснить ее генетическую основу с точки зрения прикладных проекций технетики, так и с точки зрения ее метафизики. Технетика как нарождающаяся традиция наглядно демонстрирует, что за каждой научной традицией стоят не только реальные социальные силы, но и реальные человеческие намерения, онтологические позиции. Объем «научного сообщества» — это не только объем наличной научной традиции, но и исторический объем, и вес традиций, за ней стоящих.

Программа технетики. Технаррии, гуманитарии и социально-когнитивные традиции. Доказательство как способ существования научной теории, и техногенная цивилизация. Существуют ли в техногенной цивилизации негуманитарные науки?

Техногенная цивилизация является фундаментальной инфраструктурой современных наук вообще. При институционализации научной традиции в рамках техногенной цивилизации традиция получает статус социальной силы, платя за это техникой. Поэтому в техногенной цивилизации каждая научная традиция является одновременно и техногенной традицией. Она порождает свою технику. Свою размерность техногенной реальности в целом¹. Научный реформатор или революционер имеет в техногенной цивилизации в

качестве своих потенциальных противников части и размерности самой техногенной цивилизации. Желая существовать в ней (желая быть признанным, а тем более претендуя на роль лидера), он должен принимать в расчет другие научные традиции. Они предстают перед ним как объективные субреальности внутри объемлющей объективной реальности — техногенной цивилизации.

Но интересно, как далее оперируют с этими понятиями авторы технетики. Технарий противопоставляется гуманитариию как человек нового типа — человеку устаревшего типа. Технарий представлен как тот, кто адекватен вектору «техноэволюции». Онтологические позиции и приоритет техноэволюции и технария обосновываются особой «третьей научной картиной мира». В полемике с гуманитариями употребляется словосочетание «онтология техногенного, полезная технариям». Позиции гуманитариев рассматриваются явно снисходительно. Когда авторы технетики приводят цитаты гуманитариев, непонятные для технариев, то с этими цитатами не разбираются. Их просто комментируют в фельетонном стиле. При этом авторы технетики чувствуют, что в одиночку (без гуманитариев) не могут выработать полную научную картину мира. Они призывают гуманитариев принять в этом участие.

Что надо думать об этом? Какие выводы из этого для себя может сделать гуманитарий? То, что «третья научная картина мира» не является его картиной мира? То, что в реальности мира, соответствующего этой картине, стратегически, для гуманитария нет места? То, что гуманитарий является вымирающим видом техноэволюции? То, что онтологии гуманитариев имеют смысл только с точки зрения полезности выживающему виду — технариям? То, что к гуманитариию вообще трудно относиться серьезно? «Так зачем я тогда вообще нужен технариям?» — спрашивает себя гуманитарий. — «Что именно технари не могут без меня сделать?» Тексты технетики не проясняют этот вопрос.

В связи с этим законен вопрос: существуют ли в техногенной цивилизации негуманитарные науки в чистом виде? На этот вопрос надо ответить: скорее нет, чем да. Негуманитарные науки в чистом виде, реализующие намерение просто двигаться к объективной истине, не зависящей от человека, техногенная цивилизация скорее отвергает, чем принимает. Это не означает, что исчезает понятие «естественные науки». Это означает: все больший смысл приобретает деление наук не на «гуманитарные» и «естественные», а на «фундаментальные» и «прикладные». Это означает, что категориальным становится понятие «технические науки». Понятие «технические науки» концентри-

рует в себе стратегический смысл науки вообще для техногенной цивилизации. Для нее наука — это то, что порождает технику. Не зависимо от того, к какому классу наук данная наука относится. Ценность науки определяется не принадлежностью ее к определенному классу, а ее способностью порождать технику. Фундаментальные науки создают перспективы техники, а прикладные — дают возможность реализовать ее здесь и сейчас. Но и те, и другие стратегически предназначены для расширения того антропогенного целого, которое называется техногенной цивилизацией. Ситуация весьма парадоксальная. Разговор о ней является предметом парадоксальной антропологии.

Что после всего сказанного может означать противопоставление технетики антропологии и технариев гуманитариям. Не более чем смысл противопоставления здоровой техногенной цивилизации — больной. Авторы технетики это противопоставление довольно ясно прописывают. Гуманитарии выступают как класс людей, вообще не вписывающихся в техногенную цивилизацию. Они не понимают ее законов. Они не владеют ее практиками. Но тем не менее они все еще являются силой, которую надо уговаривать. Сама технетика выступает в роли спасителя (возможно, даже с большой буквы), который исцелит больной мир путем выведения его из тупика антропогенности (как в теоретическом, так и в практическом смысле).

Технетика как контркультура и андеграунд техногенной цивилизации. Постмодерн + Реформация = Технетика

Чтение страниц, посвященных критике взгляда на технику как на инструмент в руках человека (I, с. 116–145), поражает рядом обстоятельств. Критика философской традиции направлена преимущественно на отечественную, по большей части «советскую», философию техники. Если иметь в виду, что первые технетические идеи появились в 70-х годах, то придется сказать следующее. Советская философия техники не могла не быть философским обоснованием советской идеологии «сказку сделать былью». Она воплощала предельно инструментальный взгляд на технику. В этом смысле технетику как традицию, идущую из советской же эпохи, следует рассматривать как контркультуру и андеграунд советской культуры. О содержании технетики это практически ничего не говорит. Зато это много говорит о ее пафосе, выраженном в принципах и стратегиях критики.

Чтение тех же самых страниц поражает тем, насколько технетика в своем критическом пафосе согласна с постмодернистским пафосом критики целостного человека. Автор технетики не только ши-

роко и с удовольствием цитирует постмодернистски настроенных людей, но и сам пишет как постмодернистский автор. Эти страницы можно было бы поместить в антологию постмодернистской литературы как один из ее блестящих образцов. Это еще больше сближает автора технетики с советским андеграундом, который является постмодернистским по своей сути.

Постмодерн же является контркультурой и андеграундом техногенной цивилизации вообще. Выходит, что технетика тоже борется против техногенной цивилизации? Именно. Технетика борется против антропологического волюнтаризма техногенной цивилизации. Технетику и постмодерн вообще объединяет критический пафос, направленный против веры в подвластность техники человеку. Принципиальное отличие от постмодернистского пафоса только в том, что технетика видит позитив в переходе к технетической точке зрения. К точке зрения, по которой человек разъят своим нежеланием считаться с тотальным определением себя технической реальностью. Если «антропогенный» постмодерн стратегически направлен на выход из состояния разъятости через внетехнические реальности, к поиску внетехногенной цивилизации, то «техногенный» постмодерн стратегически направлен на техногенные реальности, к поиску вне-антропогенной цивилизации. Обе стратегии являются стратегиями поиска выхода из кризиса нечеловекообразности техногенной цивилизации.

Разница между ними напоминает разницу в стратегиях выхода из фундаментального кризиса католического мира перед Реформацией. Католическая церковь, ставшая предельно коммерциализированным социальным институтом, утратила функции собирания целостности человеческого духа, человека вообще. Путь человека к Богу оказался функцией социальных институтов, индивидуальных усилий и накопленных духовных капиталов церкви. Все это предельно коммерциализировалось и превратилось в хаос. Одной стратегией был выход в состояние евангелической простоты предстояния перед Богом. Эта стратегия выражалась в разнообразных мистических течениях, легко соединявшихся с престолярным анархизмом и в конечном счете породила крестьянскую войну в Германии. Вторая стратегия была направлена на создание новой церкви, очищенной от тех принципов, которые привели к кризису католицизма. Лютеранство и кальвинизм принадлежали к этой стратегии. Принцип «только верой», лежащий в основании Реформации, означал четкое признание волюнтаризма человека относительно пути к Богу, неспособность идти к Богу соб-

ственными усилиями. Точнее, неспособность человека идти к Богу путем, придуманным самим человеком. Фатализм, предопределенность к спасению или гибели, независимость от индивидуальных предметных действий в разной мере присутствовали в каждой из реформационных стратегий.

Стратегически современная ситуация человека в техногенной цивилизации подобна предреформационному кризису католического мира. Роль Бога играют наука и техника. Современный техногенный человек так же как человек коммерциализированного католицизма чувствует катастрофизм ситуации, несоразмерность предметного мира, в который он погружен, внутреннему миру, находится в состоянии готовности уйти из этого мира. Куда? Разница в ответе на этот вопрос задает разницу в стратегиях поиска выхода из кризиса техногенности.

Технетика идет из кризиса техногенности путем к «очищенной церкви», к настоящей техногенной цивилизации, в которой человек по настоящему осознает свою онтологическую заданность техникой. Человек должен осознать свой волонтаризм относительно технической реальности. Он должен понять, что техническая реальность есть «Бог». Человеку нужно понять «божественное провидение» — техноэволюцию, ее вектор. Человек должен следовать «божественному провидению» — действовать в границах техноэволюции. Человек должен понять, что не он выбирает технику, а техника выбирает его через различные виды отбора.

Все сказанное интегрально выражено в постулате техники о том, что социальная реальность стратегически задана технической реальностью. Человека создал «Бог». Человек должен стать смиренным. Он должен прекратить заниматься «богоборчеством» — попытками бороться с властью технической реальности. Он должен прекратить заниматься «языческой магией» — попытками обращаться с технической реальностью как с инструментом.

Технетика и преодоление человеческого. Парадоксальность позиции техники. Технетика и техногенная цивилизация

Всякое стремление человека к поиску универсального сверхчеловеческого начала мира является стремлением к выходу за пределы добра и зла, красоты и безобразия, к выходу за пределы тех категориальных оппозиций, которыми живет человек, которые определяют его существование, его отношение к себе и к миру в целом. Это стремление к выходу за пределы человеческого вообще.

Это не зависит от содержательного обоснования подобного выхода. Точнее, содержательное обоснование дает возможность конкретным образом освободиться от власти несовершенства и конечности человеческой природы. Это может быть религия, в которой человек полагает Бога, стоящего по ту сторону добра и зла. Тогда человек может стать религиозным подвижником. Идя к Богу, он будет уходить от человеческого, существующего в границах добра и зла. Это может быть личная философия и личная мифология, в которой человек полагает нечто, стоящее по ту сторону того, от чего он хочет уйти. Это может быть любое теоретизирование. Человек может стремиться к чистой истине, не зависящей от мнений, для того, чтобы уйти от борьбы мнений. Человек может стремиться к истине, не зависящей от человека, для того, чтобы уйти от человека вообще.

В частности, это может быть наука, полагающая эволюцию как безусловное мировое начало, стоящее по ту сторону эволюционирующих, их взаимных определений и взаимной борьбы, для того, чтобы уйти от погруженности в хаос этих определений и этой борьбы.

Технетика демонстрирует это. Ее стремление преодолеть человека-размерность техники вообще, ее стремление к выходу на уровень глобального эволюционизма показывает ее стремление преодолеть человека и хаос эволюционирующих сил. Техническая реальность технетики в этом смысле является потусторонним (по отношению к тому, от чего ее создатели хотят отстраниться).

Можно было бы ограничиться этим определением, если бы технетика была наукой чисто созерцательной, а главное — считающей себя самодостаточной. Но этого нет. Технетика имеет инженерный модус и этой стороной направлена на изменение мира. Кроме того, она не чувствует себя самодостаточной. Таким образом ее позиция является парадоксальной. С одной стороны, технетика стремится к преодолению человека (через преодоление зависимости технической реальности от человека и его инструментального отношения к ней). С другой стороны, как техническая дисциплина, она сама хочет быть тем, что предоставляет техническую реальность во власть человека, стремясь поставить ее в инструментальное отношение к нему. С одной стороны, технетика хочет заявить себя как истину, которая уже просто есть, и не хочет ни с кем делиться. С другой стороны, она требует своего признания со стороны других теорий, тем самым давая понять, что не может существовать как автономная истина.

По сути дела в этом нет ничего нового. Такова судьба теоретизирования вообще, а научного теоретизирования в особенности. Современная наука парадоксальна по своей сути. Парадоксальна в указан-

ном выше смысле. С одной стороны, она хочет преодолеть человека (в разных отношениях, разными способами). С другой стороны, она хочет сделать это на благо человека, расширяя его возможности. Точнее, она не может не делать это на благо человека. Ее социальная инфраструктурированность не позволяет ей занимать иную позицию. Интегральным инструментом познания современной науки является техногенная цивилизация в целом. За предоставление науке возможности преодолевать человека, с выходом на объективные по отношению к нему реальности, она требует техники — возможности человеком преодолевать те самые объективные реальности, на которые был сделан выход и которые считались непреодолимыми.

Рассматривая многочисленные математические и статистические выкладки текстов технетики (многие из которых получены с помощью современных информационных технологий), не возникает сомнений, что технетика является плоть от плоти продуктом техногенной цивилизации, как наука несет в себе ее парадоксальность, и, несомненно, будет еще одним шагом в расширении возможностей человека, шагом к тому, чтобы сделать человека соразмерным той реальности, которая сейчас полагается технетикой, как принципиально несоразмерная ему.

Пока технетика находится на стадии становления, она может держаться преимущественно пафоса выхода на объективные реальности. Когда техногенная цивилизация даст возможность технетике полностью развернуться — предъявит ей свои счета.

Трансцендентальность научного метода. Научная истина и объективация. Техногенная цивилизация и технетика

Рассмотрим с точки зрения научного метода постулат технетики о том, что социальная реальность стратегически задана технической реальностью.

Научный метод является трансцендентальным методом. Это значит, что в нем существует запрет на возможность абсолютного (трансцендентного) опыта и знания. Трансцендентальность научного метода, философски обоснованная Кантом, предполагает необходимость соизмерять всякую истину в том поле, которое доступно для всех. У этого принципа есть прямая социальная предпосылка: если опыты не будут соизмеряться, то истины, объективируясь в миры, построенные на несоизмеримых основаниях, придут в объективное столкновение друг с другом, которое в своем пределе является войной с оружием в руках. Такое столкновение тем более возможно и тем бо-

лее непримиримо, чем в большей степени объективируемые миры строятся на основаниях, не объективируемых в принципе. Именно поэтому доказательство должно основываться на объективируемости — возможности находиться в пространстве взаимного опыта. То, что не может находиться в пространстве чье-то опыта в качестве объекта, то, что является безмерным, — не может служить основой универсальной социальности. Поэтому принцип объективируемости предполагает постоянное удержание поля взаимного опыта как гарантию взаимной соизмеримости истины, возникающей в этом поле.

Доказательство в этом смысле является приведением к очевидности в поле взаимного опыта. Чем в большей степени доказательство находится за пределами этого поля, тем в большей степени оно далеко от научного доказательства. Это не значит, что такое доказательство ничего не доказывает. Это означает, что такое доказательство доказывает нечто на границе научной традиции или за ее пределами. Границы научной традиции являются границами универсальной социальности. За границами и на границах научной традиции истина остается истиной, и доказательство остается доказательством, но это уже другая истина и другое доказательство. Все традиции, имеющие свои, ненаучные истины, являются традициями, имеющими истины. Но способы объективации, создающие и поддерживающие эти традиции, не являются способами объективирования наиболее приемлемыми для большинства. Такие традиции полагают пределы сами себе. Несоизмеримость с другими традициями обрекает их на ограниченность перспективы.

Соизмеримость предполагает не только соизмеримость между разными поколениями внутри традиции, но и соизмеримость между разными социальными контингентами внутри одного поколения традиции. Эта соизмеримость является всей той объективной инфраструктурой социальности, которая предполагает возможность соизмерить внешним образом то, что несоизмеримо внутренним образом. Эти инфраструктуры можно назвать техникой в самом широком смысле слова. Если бы новоевропейская наука не вышла за пределы научной традиции в узком смысле этого слова, то современные ее достижения были бы на несколько порядков скромнее, чем сейчас. Современные достижения науки, которые поражают глубиной и объемом, стали возможны именно потому, что была создана техногенная цивилизация. Они являются именно ее продуктом, а не продуктом научной традиции в узком смысле слова. Вся социально-технологическая инфраструктура современной науки является продуктом техногенной цивилизации. Это означает, что новоевропей-

ская наука предоставила возможность создавать технику на основе своего трансцендентального метода и тем самым предоставила возможность создавать объектный мир соизмерения, основанный на том же методе, который и получил название техногенной цивилизации. Этот мир является саморазвертывающейся реальностью, в которой с помощью объективации базовых эшелонов очевидностей пролагается путь к дальнейшим их эшелонам. Трансцендентальный метод в этом мире играет роль метаидеологии и фундаментального принципа построения. Техника является объективацией мира соизмерения. Саму техногенную цивилизацию можно назвать универсальной машиной объектного соизмерения. Именно машиной, объективной реальностью, тем, что само по себе соизмеряет все, находящееся внутри него.

Это скорее идеал, чем реальность. Реальные возможности техногенной цивилизации быть универсальной машиной соизмерения постоянно обнаруживают сильные отклонения от идеала.

Положение науки как фактической метаидеологии техногенной цивилизации дает возможность нерелексированно концентрироваться на процессе роста техногенной традиции, принимать ее за нечто безусловное. Отсюда легко вырастают технократические утопии, когда техногенная цивилизация принимается за чистый инструмент в руках человека. Отсюда вырастают антиутопии, когда техногенная цивилизация принимается за реальность, которая сама полностью держит в руках человека. Отсюда вырастает постмодернистский карнавал, когда человек рассматривает внутренности техногенной цивилизации взглядом феноменолога.

Техническая позиция может быть определена как переход от позиции технократической утопии, через постмодернистский карнавал, к позиции чистой науки. Этот переход предполагает выход из наивности взгляда на техногенную реальность как на нечто вполне управляемое, прохождение через экзистенциальные метаморфозы постмодерна, и выход на позицию по ту сторону человеческих симпатий и антипатий к техногенной цивилизации. Правда, выход в рамках самого научного, трансцендентального метода.

Насколько это действительно происходит в рамках трансцендентального метода — это вопрос. Это вопрос о том, насколько технетическая позиция и все ее проекции соизмеримы и совместимы с самой техногенной цивилизацией. Техногенная цивилизация, несмотря на все ее противоречия и катастрофизмы, продолжает оставаться полем универсального соизмерения и, следовательно, миром, с которым придется соизмеряться любой науке. Если окажется так, что технетика не найдет общего языка с техногенной цивилизацией, то у нее будет право на объективную, но не научную истину.

Технетическая эволюция. Человек в потоке случайности
и необходимости. Паскалевские бездны,
лабиринт Минотавра и нить Ариадны

В первую очередь смысл технетической эволюции (как и эволюции вообще) — в осознании определенного положения человека среди других эшелонов реальности. В этом смысле особь в эволюционной теории всегда является метафорой человека, а эволюция — метафорой реальности по ту сторону человека.

Технетическая эволюция представляет мир как мир особей (людей) в потоке случайности и необходимости, равно находящихся по ту сторону того, что хочет и может особь. Отбор, различные виды отбора — это объективная реальность, машиноподобная формация, внутри которой существуют особи. Не особи что-то или кого-то творят — творит случайность эволюции. Не особи что-то или кого-то выбирают — выбирает машина отбора эволюции.

Метафорой шага новоевропейского человека к эволюции является библейская история об Иове. Иов был праведником, а Бог позволил дьяволу проверить праведность Иова и развеять в прах все, чем жил этот человек. Иов не верящий, что Бог имеет право уничтожать своих праведников, хочет вызвать Бога на суд. Бог является пред Иовом и показывает ему, что он есть бесконечно малое по сравнению с Богом, что для него не может быть никакого соизмерения, никакого суда. Иов должен просто признать это. В этом признании — его спасение от экзистенциальной катастрофы.

Человек (особь) должен осознать себя как бесконечно малую величину и тем самым выйти из позиции Иова, вызывающего Бога на суд. Принимая в себя позицию Бога, который стоит по ту сторону добра и зла, Иов выходит из позиции «несчастливого сознания». Принимая в себя позицию эволюции как реальности, стоящей по ту сторону человека, человек выходит из позиции экзистенциального кризиса новоевропейской богоневозможности.

То, что этот шаг — первый шаг философствующего человека, показывает возможность и осмысленность этого шага при любом содержательном определении человеческого и сверхчеловеческого. Сверхчеловеческое может быть Богом, мировым духом, познающим себя, эволюцией вообще, техноэволюцией в частности. Не зависимо от этого шаг человека к признанию прав сверхчеловеческого быть по ту сторону добра и зла (если этот шаг вообще является внутренне выстраданным) есть выход из позиции несчастного сознания, из пози-

ции паскалевского ужаса стояния между безднами. Человек должен сам стать этими безднами для того, чтобы не быть «гласом вопиющего в пустыне».

Таков первый смысл шага авторов технетики к техноэволюции. Открылась еще одна из паскалевских бездн — человек должен признать ее права, расширить свое осознание до размеров этой бездны — иначе он не сможет продлить смысл своего существования.

То, что в случае технетики сделан именно такой шаг, показывает дальнейшее отношение авторов технетики к открытой ими реальности. Технетик превращается в инженера техноэволюции — того, кто осознает свое существование в новой реальности, учитывает ее, прогнозирует, направляет (насколько это возможно). Для того, чтобы вернуть себе права человека, строящего свой мир внутри универсума, имеющего много размерностей, находящихся по ту сторону человеческого. К этому универсуму добавилась еще одна группа размерностей? Ну, так что же.

Это не изменило позицию человека в стратегическом плане. Стратегически он продолжает делать то, что делал раньше, учитывая новые объективные реальности. Открытие машиноподобных (объективных) реальностей, объемлющих человека, — главное его занятие после того, как человек осознал себя существом онтологически свободным. (Не будь этих реальностей, что бы он делал со своей свободой?) Одним уровнем объективной реальности больше — одной степенью свободы меньше. Уже легче. Для постмодернистской ситуации техногенной цивилизации шаг к технетике так же естественен, как шаг к невидимой руке рынка для рождающегося индустриального мира. Нужно было найти ту объективную сверхиндивидуальную реальность, которая связала бы индивидуальную свободу и направила ее в конструктивное русло. Это можно назвать и по-другому: найти ту объективную реальность, в которой ты в данный момент заблудился как в лабиринте Минотавра. Распознавание этой реальности — нить Ариадны, помогающая найти выход из лабиринта.

Программа технетики в контексте техногенной цивилизации. Технетическая эзотерика и технетическая техника

Если выразить программу технетики в виде одного принципа, то это будет стремление ограничить права человеческого для того, чтобы дать место реальности, стоящей по ту сторону человеческого.

Но зачем? В зависимости от ответа на этот вопрос технетика превращается либо в метафизику того, что стоит по ту сторону человеческого, либо в парадоксальную антропологию. Если технетика объ-

ясняет свою программу стремлением к объективной истине, независимой от человека, то она воспроизводит судьбу всех предшествующих ей попыток естествознания выйти за пределы человеческого.

Эти попытки могли делаться по разным основаниям. До техногенной цивилизации эти попытки, независимо от оснований, которыми они делались, могли оформляться только в виде эзотерических традиций. Эзотерических в том смысле, что эти традиции могли быть направлены на изменение только членов самих традиций. Иное было просто невозможно. Отсутствовала инфраструктура, способная превратить научные истины, стоящие по ту сторону человеческого, в предметные реальности, стоящие по ту сторону человеческого, и таким образом существенно и необратимо повлиять на что-то, кроме самих ученых. Формирование искомой инфраструктуры и является сутью формирования техногенной цивилизации. Техногенную цивилизацию можно определить как машину, преобразующую научные истины в предметную реальность.

Самым большим разочарованием и соответственно самым большим ударом по научности при этом был тот факт, что научность построения техногенной цивилизации не спасла человека внутри нее от самого человека. Техногенная цивилизация не вывела человека за рамки того, за рамки чего предполагала его вывести наука как эзотерическая традиция. Техногенная цивилизация не является эзотерической традицией. Это традиция другого типа. То, что возможно в эзотерической традиции, в ней не возможно. В эзотерической традиции можно разделить себя как личность на то, что принадлежит искомому миру, и на то, что ему не принадлежит. Можно жить сразу в двух мирах: в мире, к которому идешь, и в мире, от которого уходишь. При этом можно не заботиться о соединимости логик обеих миров — существенна только возможность их разделения.

Наука как эзотерическая традиция выполняет функцию разделения миров. Ученый может жить одновременно в мире научных истин и в мире, от которого он уходит в мир научных истин. При этом, чем дальше реальность, на которую направлена научная традиция, отстоит от собственно человеческой реальности, тем эффективнее научная традиция реализует эзотерическую задачу. Объективность научных истин в этих традициях не отменяет их эзотерическую направленность. Она просто показывает, что эти научные традиции не принадлежат полностью сами себе. Все они принадлежат объемлющей их реальности, дающей им возможность реализовывать эзотерическую направленность либо за счет кого-то другого, либо за свой счет, но в обмен на истину, имеющую смысл для объемлющей реаль-

ности. Если научная традиция существует за свой счет, то ее материально-инфраструктурные возможности, а следовательно, истинностные возможности, ограничены именно «своим счетом».

Когда новоевропейская наука еще не была социальным институтом, то существование за свой счет было скорее существованием научных аскетов, чем чем-то иным. Соответственными были и их когнитивные возможности. Социализация науки была фундаментальным (явным или неявным) соглашением о взаимовыгодном обмене: наука предоставляет социальности объективную истину, способную изменять предметную реальность, а социальность предоставляет науке предметную инфраструктуру для расширения ее когнитивных возможностей. Реализация этого взаимоопределения и положила начало техногенной цивилизации. Таким образом, когнитивные возможности науки как части техногенной цивилизации стали необратимо зависимыми от фундаментальных инфраструктур этой цивилизации — техники и технологии.

Зависимость от техники и технологии является параметром антропологической заданности абсолютно всех наук, существующих внутри техногенной цивилизации и опирающихся на ее инфраструктурные возможности. Конечно, внутри научных традиций по-прежнему существует эзотерическая размерность. Но теперь степень их эзотеричности определяется скорее фундаментальностью науки, чем ее естественностью. Чем более прикладной является наука, тем более она прямо или косвенно связана с интересами собственно человеческого существования. И наоборот.

То, что технетика претендует на предельную фундаментальность, показывает высокую степень ее эзотеричности. Технетика очень легко отодвигает социальную реальность на самый край, вдаль от фундаментальных внечеловеческих реальностей. Ей легко переходить на разговор о сокращении человеческой эгоцентричности. То, что происходит на этом полюсе техники, расширявается очень легко, потому что человек проходил это много раз.

Другим полюсом техники является сторона, по которой она платит техногенной цивилизации. Платит истиной, которую можно превратить в способ преобразования предметного мира в пользу человека. В технику. Поэтому в текстах авторов техники так причудливо сочетаются разговоры об ограничении прав человека, как реальности в распоряжке мировых реальностей вообще, с разговорами о том, какую конкретную пользу может получить человечество, если оно примет истину техники. Разговоры о техноэволюции, неподчиненной человеку, с разговорами о том, какую технику должен создать человек, чтобы быть адекватным вектору техноэволюции.

Программа парадоксальной антропологии. Техногенная
и антропогенная цивилизации. Шаг технетики внутри
парадоксальной антропологии

Технетику можно рассматривать как шаг внутри программы парадоксальной антропологии.

Антропос существует в многомерном пространстве объективных по отношению к себе реальностей. Они являются объективными для него в том смысле и в той мере, в какой они являются силой, на которую антропос наталкивается. Но объективность этих реальностей не является для него абсолютной. Антропос можно назвать реальностью, которая осознает свои границы, осознает реальности, задающие ему границы, и делает шаги к выходу за пределы этих реальностей. Если считать, что антропос не имеет заранее положенных ему абсолютных границ, то нельзя считать, что какая-либо из объективных реальностей, встреченных им, является для него абсолютной. Абсолютность объективной реальности означает для него только абсолютность границы. Если антропос умеет осознавать эту границу, иметь ее в виду и даже преодолевать или обходить, словом, использовать для своего распространения, то эта реальность уже не абсолютно объективна для него. Она уже часть его внутренней реальности. Она уже объективная реальность его внутреннего мира.

Стихийность какой-либо машиноподобной формации с точки зрения антропологического приоритета означает не более чем неосознанность и неосвоенность человеком этого уровня реальности. Такими же стихийными и неуправляемыми были в свое время рыночный механизм. История либеральной доктрины и рыночной теории и практики являются выходом из подвластности стихии рынка. Законы рынка не были отменены, но они были осознаны и приняты в расчет. Были осознаны границы рынка как машиноподобной формации в перспективе человеческих возможностей и ожиданий. Был осуществлен сознательный вход в эту машину как в определенную традицию.

Власть формы тем больше, чем разобщенной и бессознательней материя, ее заполняющая. Этого и требует совершенный конкурентный рынок (для наиболее полной реализации определенных рыночных законов). Власть технической реальности тем больше, чем больше ее масштаб по отношению к активным агентам, ее реализующим. Именно поэтому технетика берет тот уровень реальности, на котором антропос предельно разобщен и подчинен власти техники как формы. С другой стороны, чем больше форма становится частью внутренней структуры материи, тем более материя преодолевает форму.

Можно так задать программу парадоксальной антропологии и определить место технетики в ней.

Антропос является реальностью в многомерной реальности форм, машиноподобных формаций. Как машиноподобные формации задают границы антропоса? Как антропос отвергает или принимает эти формы? Как он может или не может противостоять им? Как эти формы соотносятся с интересами и ожиданиями антропоса (в тактическом и стратегическом отношении)? В какой мере они являются объективной реальностью (реальной силой для антропоса)? В какой мере их объективность является порождением самого антропоса? Как локализуется власть конкретных форм над антропосом и власть антропоса над конкретными формами? Как то, что было внешними формами для антропоса, становится его внутренними формами? Как антропос проводит границы между властью форм над собой вообще?

Центральное место в программе парадоксальной антропологии должен занимать вопрос о человечестве как объективирующей традиции. О традиции, которая существует в многомерном пространстве объективаций. О традиции, которая располагается на своих же предшествующих объективациях как на естественной, не ей созданной почве. Об осознании смысла процесса объективации вообще.

Техническая реальность в широком смысле этого слова является одновременно и логикой пространства объективаций, и логикой процесса объективации, и машина объективации, и объективированным телом антропоса как традиции. Технической реальностью в широком смысле можно назвать все машиноподобные формации, возникающие в процессе объективации антропоса как традиции. В этом смысле техногенной современную цивилизацию можно считать только по отношению к предшествующим цивилизациям. В духе разделения О.Шпенглером культуры и цивилизации. С точки зрения антропоса, как определенным способом объективирующей себя традиции, все цивилизации являются техногенными и все цивилизации являются антропогенными. Разница между ними только в содержательном определении того, что является антропосом, и того, что им не является. В определении того, что для антропоса возможно и что не возможно.

Размеры антропогенного пространства определяются не собственными размерами форм в пространстве объективаций, а соотношением между ними и способностью антропоса к рефлексии и объективации в целом. Способностью антропоса располагаться на этих формах, делать их ландшафтами своего бытия.

Всегда актуален вопрос: не потонет ли человек в мире своих объективаций? Не окажется ли выход в неизведанную размерность роковым для человека? Не окажется ли искомая им свобода хаосом, его поглощающим?

Параксальность такого способа существования состоит в постоянно возникающей неразличимости между тем, что является объективацией самого антропоса, и тем, что является формами объективирующего пространства. В постоянном смешивании своей внутренней логики с логикой внешнего по отношению к себе. В постоянном стремлении преодолеть чувство себя как бесконечно малой величины через признание абсолютной власти нечеловекообразных реальностей.

Технетика является примером подобного стремления и одновременно примером шага внутри парадоксальной антропологии. Технетика стремится к тому, чтобы стать категориальной оппозицией антропологии. Она апеллирует к нечеловекообразным порядкам реальности, в которую вплетен человек. Она предлагает взглянуть на паскалевские бездны. Но каким взором? Познающего и проектирующего человека. Взором антропоса, который заглядывает за границы своих определений. Не для того, чтобы положить себе этим абсолютный предел, а для того, чтобы вывести еще один свой ракурс за абсолютную власть этих границ, сделать эту объективную реальность управляемой объективной реальностью. Положить ее внутрь себя, для того, чтобы выйти за еще один из своих пределов. Это предметный путь к универсализации антропоса.

Таким образом, внутренняя сложность, парадоксальность технетики является внутренней сложностью и парадоксальностью и научного метода, и самого человека. Универсалистское намерение технетики является намерением человека решить жизненный вызов, вставший перед ним, через выход к универсальной реальности, стоящей по ту сторону человеческого. В то время как научный метод, которому следуют авторы технетики, не позволяет им это сделать, заставляя оставаться в границах науки.

Литература

1. *Кудрин Б.И.* Техногенная самоорганизация. М., 2004.
2. *Кудрин Б.И.* Философско-технетические основания третьей научной картины мира // Техническая реальность в XXI веке. М., 1999.

Примечания

- ¹ Написание статьи инициировано знакомством с книгой Б.И. Кудрина «Техногенная самоорганизация» М., 2004. Статья написана в диалоговой форме, в полемике с основными ее положениями. Важно для начала дать определение технетики, как оно дано в книге Кудрина «Назовем технетикой часть технической реальности, которая документально может быть определена (фиксируется документом) и которая как целостность включает технику, технологию, материалы, готовые изделия (продукцию), отходы. В дальнейшем будем применять этот же термин для обозначения науки о технической реальности (аналогично использованию понятий «физика» или «биология»). Технетика – это часть технического знания, концептуально опирающаяся на технетические постулаты, которые отличаются от классических Ньютона-Максвелла и которые исходят из новой гносеологической парадигмы, предполагающей иное мышление и у технаря, и у гуманитария. Технетика имеет специфическую область исследования технической реальности – технический ценноз; специфическое учение – учение об информационном отборе, определяющем развитие технического мира и задающем все узловые точки научно-технического прогресса (техноэволюцию); специфическую методологию, опирающуюся на системное описание (в том числе и на технический анализ) размытого в пространстве и во времени счетного множества слабосвязанных и слабовзаимодействующих изделий, организационно структурируемых (что и дает основу для теоретических исследований и практической деятельности) и самоорганизующихся» Б.Кудрина «Техногенная самоорганизация». С. 95.